

пускали по 12,7 тыс. четвертей солода (Там же. С. 79). Точное соотношение пуда и четверти неизвестно, но четверть весила от 4 до 8 пудов (Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994. С. 198).

²⁰ Ефремова Е. Н. Предпринимательская деятельность новоторжского купеческого рода Вешняковых // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV—XVIII веков: История, историография, источники и методы ист. исследования: Материалы науч. конф. Тверь, 18—21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 91—95.

И. Н. Юркин

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУЛЬСКИХ МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННИКОВ XVIII в. КАК ПРЕДПОСЫЛКА СТАНОВЛЕНИЯ ИХ ПРОМЫШЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

Десятки металлургических мануфактур, строившихся в XVIII в. по всей России выходцами из Тулы, — поразительное воображение предпринимательский феномен, еще не до конца раскрытый и проанализированный. Его возникновение обусловило несколько причин: аккумуляция в среде, порождавшей металлопромышленников, технического и организационного опыта, возможность накопить необходимый стартовый капитал, наличие условий, делавших привлекательным для предпринимателя инвестирование его именно в промышленность.

Тульские металлопромышленники (под которыми далее подразумеваем только производителей металла — без тех, кто его обрабатывал) разделялись на две группы. Исторически первым были казенные кузнецы-оружейники, собственники сыродутных горнов и железцовых кузниц, именовавшиеся «железного дела промышленниками» (ЖДП). Вторую составляли владельцы вододействующих металлургических заводов. Их доля в производстве тульского железа постоянно увеличивалась, и на определенном этапе оно полностью вытеснило железо «ручное».

Металлопромышленники выходили в Тулу из разных групп городского населения. Во-первых, из оружейников, находившихся в разное время в разном подчинении (но, как правило, не тех ведомств, которые управляли посадским населением). Во-вторых, из верхушки посада, гильдейного купечества. Металлопромышленники среди них появля-

ются на этапе, когда данная сфера приложения капиталов у предпринимателей-кузнецов была вполне освоена.

Обращаемся к первой из этих групп и ограничиваемся единственным вопросом: о роли торговли в накоплении и движении капитала у обратившихся к промышленному предпринимательству казенных кузнецов. Хронологические рамки исследования: 90-е гг. XVII в. (начало строительства оружейниками вододействующих металлургических заводов) — конец 30-х гг. XVIII в. (утверждение новых заводских штатов, повлекшее выпуск в промышленники значительной группы оружейников).

Для начала названного периода условия, в которых тульские казенные кузнецы могли заниматься торговлей, характеризует жалованная грамота 7204 (1695/96) г., позволившая им «торговать, тако ж лавками и анбарами владеть»¹. Для тех, которые «на Туле, в городе и в казенной слабодѣ, сидят в лавках, в анбарах и в харчевнях, и торгуют всякими тавары, и харчи промышляют отъезжими промыслами», грамота разрешила «имать в таможную оброк, а с таргов пошлыны»². Подтвержденное при этом старое разрешение «с посацкими ни в каком тягле не быть» способствовало более прибыльным, чем работа на казну. Нанимая других оружейников или скупая готовые изделия для сдачи их от себя, можно было, не выходя из Оружейной слободы, освобождать время для «торговых промыслов». Что многие владельцы ручных металлосадов и делали.

В реестре (от 24 июля 1729 г.) владевших домницами и железцовыми кузницами оружейников находим 48 имен из 25 фамилий³. Более одного раза упомянуты представители 7 родов — к ним принадлежат 30 промышленников (62,5%). Перед нами семейные «кусты» (выражение А. И. Аксенова⁴), развивающиеся в направлении кланов. К фамилиям, наиболее активно порождавшим промышленников, принадлежат Баташевы (8 человек, имевшие 8 домниц [д.] с 25 горнами [г.] и 7 железцовых кузниц [ж. к.], из которых 2 не работали), Ореховы (7 чел., имевшие 8 д., 27 г. (5 не раб.) и 5 ж. к. (1 не раб.)), Мосоловы (5 чел., имевшие 6 д., 28 г. и 7 ж. к. (1 не раб.)), Кирилцовы (Кирильцовы) (3 чел., имевшие 3 д., 14 г. и 2 ж. к.), Володимеровы (3 чел., имевшие 3 д., 8 г. и 3 ж. к. (1 не раб.)), Ефимовы (2 д., 5 г. и 1 ж. к.) представлены двумя промышленниками; стольким же их числом — Филипповы.

Остальные 18 человек — все от разных фамилий. У каждого из них по домнице (с 2—6 горнами в ней) и перерабатывающие сырой металл железцовые кузницы, как правило, одна на хозяйство. Это не

кланы и даже не промышленные династии — в лучшем случае, зародыши последних: металлопроизводство создано или куплено главой семьи, он же им управляет, неотделившиеся дети ему помогают, готовясь в будущем принять эстафету.

Список, данные которого приведены, удобен возможностью сопоставить его с почти синхронным (датирован 16 июня 1729 г.) реестром кузнецов, уклоняющихся от денежного оклада по торговому промыслу⁵. Последний включает 21 имя, из которых 4 (Максима и Тимофея Мосоловых, Ильи Баташева и Гаврилы Ослопова) находим среди ЖДП. Отсутствие прочих, разумеется, не означает, что они не занимались торговлей — утверждать можно лишь то, что к ним не было претензий по части ее обложения.

Итак, не менее 10% туляк — владельцы ручных железных заводов — параллельно с промышленной занимались еще и торговой деятельностью. В действительности их доля была значительнее, о чем свидетельствует более ранний (ок. 1720 г.) документ — «Ведомость от тульских земских бурмистров, коликое число в Туле обывателей, и каких чинов оные, и какими торгами торгуют, <...> также в разных рядах владеют многими лавками».

Раздел Ведомости, посвященный оружейникам, открывают несколько Володимировых. О первой их группе — Андрее Федоровиче и его детях — сказано, что они имеют «в доме железные ручные заводы, в отпусках у них товаров к городу Архангельскому 370 тюков юфти, в Санкт-Петербург 81 тюк юфти ж, в Ярославль кож говяжьих 7482 кожи, в привозе в Тулу кос сенокосных на 36 руб., кож говяжьих в покупке в Туле на 125 руб. на 20 алт., у них же торг в Туле — в Мяскотинном ряду сиделец в лавке, у них же в Туле в рядах 5 лавок»⁶. Андрей Федорович — отец Родиона Володимерова, упомянутого среди промышленников в 1729 г. Последним, судя по приведенному тексту, домница и железцовая кузница были получены, вероятно, от владевшего ими отца.

Присутствует в Ведомости и другой Володимеров из списка 1729 г. — Козьма Петрович. Упомянуты его ручные заводы и припасы к ним; отмечено, что железо он продает в Туле и приезжим людям; указано на принадлежавшую ему лавку в «Мяскотинном» ряду⁷.

Приведенные примеры можно многократно умножить — в списке 1729 г. присутствуют 12 металлопромышленников из Ведомости 1720 г.: Акулов Иван, Ареховы (Ореховы) Андрей и Иван, Баташевы Антон, Иев, Илья, Тарас и Трифон, Володимеров Козма, Мосолов Тимофей, Ослопов Гаврила, Филиппов Филипп. Еще два человека — Родион Володимеров и Максим Мосолов — наследники лиц из более

раннего списка. Всего, таким образом, имеем 29,2% от числа ЖДП в конце 1720-х гг., что не так уж и мало, учитывая десятилетие, разделяющее сопоставляемые документы.

Как видим, около трети, а вероятно, и больше производителей тульского ручного железа в 1720-х гг. в той или иной мере занимались торговлей. Обращение к более ранним материалам (переписным и писцовым книгам 2-й половины XVII в.⁸) показывает, в большинстве случаев торговали и их отцы, причем до обзаведения железными ручными заводами. В качестве примера укажем на предков Родиона Андреевича Володимерова. Один из них — Федор — купил в Туле лавку еще в 1663 г. Она перешла к сыну Андрею. Тот расширил торговлю (в 1685—1686 гг. имел в Туле не менее 7 торговых мест) и одновременно завел при усадьбе ручные заводы⁹.

Итак, накопление оружейниками капитала, вкладывавшегося в производство, осуществлялось с помощью предпринимательства в сфере торговли. После появления в хозяйстве ручных заводов занятия торговым и промышленным предпринимательством, как правило, совмещались.

Вторую из основных групп тульских металлопроизводителей образуют владельцы мануфактур. Ее история начинается с пуска в середине 1690-х гг. оружейником Никитой Демидовичем Антюфеевым (Демидовым) вододействующего завода на р. Тулице. Эволюция этой группы особенно интересна, поскольку именно в нее вливаются представители купечества.

О торговой деятельности самого Н. Д. Демидова известно сравнительно немного. Мы уже указывали на акт 1707 г., фиксирующий отделение им от своего хозяйства младшего сына Никиты. В нем, в частности, упомянуты находившиеся на тульском дворе заводчика семь лавок, торговавших мясом. Одновременно он владел лавками в «Мескатинном» и Железном рядах. Особенно интересно упоминание о принадлежавших ему Перевинских (или Перевидских) винных заводах в Зарайском у.¹⁰

Из числа оружейников первым (после Демидовых) вододействующий завод построил И. Т. Баташев. Данные о его торговой деятельности до пуска этого предприятия нам не известны. Но имеются сведения (в Ведомости 1720 г.) о развитии хозяйства в «предмануфактурный» его период для третьей семьи казенных кузнецов, обзаведшейся металлзаводами, — для братьев Мосоловых. Здесь отмечены принадлежавшие Перфилию Григорьевичу Мосолову и его сыновьям ручной завод, припасы к нему, железо и металлоизделия (винные казаны) в отпусках в Смоленск, Тверь и Суздаль¹¹.

Последний пример создает впечатление, что у ЖДП при их приближения к мануфактуре торговля все более сосредоточивалась на металлопродукции, прочую вытесняя. Его подтверждают данные (из того же источника) о торговой деятельности мануфактуристов: упомянутого И. Т. Баташева, а также Григория и Никиты Никитичей Антюфеевых — среднего и младшего сыновей Н. Д. Демидова. В отпусках (в Архангельск, Калугу, Саратов, Смоленск и Тверь) у них находилось только железо (полосное, связанное) и чугунные изделия (таганы, котлы мелкие и гири). Единственное исключение — мед на сумму 106 руб., отправленный в Петербург Н. Н. Демидовым¹².

Итак, картина по владельцам вододействующих мануфактур для освященных источниками случаев в общем совпадает с картиной для собственников ручных заводов: у всех вступлению на стезю промышленного предпринимательства предшествует этап предпринимательства чисто торгового. Но если для владельцев ручных заводов торговля еще сохраняла значение, у хозяина вододействующей мануфактуры она, как правило, ограничивалась реализацией собственной металлопродукции.

Ситуация, охарактеризованная по состоянию на 1720-е гг., претерпевает впоследствии существенные изменения. Важным этапом ее эволюции явились реформы тульского оружейного производства 1737—1739 гг. По штату 1737 г., число оружейных мастеров ограничивалось 1688 чел. — прочих (более 400 чел.) от казенной работы для их торговых промыслов разрешено было освободить. Освобождение, по именному указу от 22 сентября 1737 г. и резолюции Кабинета е. и. в. от 3 октября 1739 г., в качестве обязательного условия предполагало взятие от них обученных оружейному мастерству людей и наложение на них двойного 40-алтынного оклада¹³.

Положение «выпущенных» оказалось довольно своеобразным. В большинстве переключившись на торговлю и смежные занятия, эти оружейники остались в ведении Оружейной канцелярии (а не магистрата, управлявшего занимавшимся торговлей посадским населением). И канцелярия всячески старалась задержать их в Оружейной слободе, поскольку «из оных уволенных промышленников выбираютца и определяютца в службы к разбору между оружейниками и к прочим делам. А буде из оружейников выбирать, и от того де в деле ружья чинитца может остановка»¹⁴. Такое подчинение удовлетворяло и выпущенных, надеявшихся и оставаться под защитой жалованной грамоты 1704 г. (напомним, разрешавшей оружейникам торговать, не будучи в тягле с посадской общиной). В доношении Оружейной канцелярии в Военную коллегию на последнее обстоятельство прямо указано как на причину,

«почему оные де промышленники и увольнения от оружейного дела просили»¹⁵.

В решение вопроса, быть ли выпущенным оружейникам в тульском купечестве, включились Сенат и Военная коллегия; его решение затянулось на долгие годы. В связанной с ним переписке, в частности рапортах Оружейной канцелярии от 1 марта и 31 августа 1753 г., содержатся сведения, характеризующие торговую деятельность и оружейников, и лиц, выпущенных в промышленники. Приведем их с целью охарактеризовать последствия реформ конца 1730-х гг.

«А казенные тульские оружейные мастера многия делают в свободное от казенных работ время железныя и медныя разныя вещи, которыя продают, кто что купит, а на что волных купцов нет, таковыя вещи продают в лавке и тульским купцам, а протчия мастера для продажи таких вещей имеют собственные и наемныя лавки в редах, с которых оброчныя платят денги;

а оныя мастеровыя промышляли разными мелкими промыслами, мясом и рыбою и, продавая оныя из лавок;

оныя ж содержат при своих домах харчевни и продают из них калачи и квас;

а прочих мастеровых жены, живущия с мужьями, для прибавки в пропитании с домашними, также и вдовы, оставшие с малыми детьми, продают на площади по бедности своей грешневики, орехи и протчие съестные припасы;

а отъставныя и увечныя оружейныя мастера, тяжелого дела не работающия, делают разныя мелочныя вещи и продают, от чего себя, а иные малых своих детей, которые по возрасту в службе ж ея императорскаго величества быть принадлежат, питают»¹⁶.

Итак, оружейники — среда, породившая металлопромышленников и поддерживавшая их существование, не оставили торговых занятий. Торговля велась на местном уровне, продавалась ремесленная продукция собственного производства, различный мелочной и съестной товар.

Масштаб торговых операций промышленников варьировался более значительно. Из 104 учтенных лиц этой группы:

«знатные торги и свыше пятисот рублей имеют, и к Санкт-Петербургскому порту ездят, а один и живет тамо, — дватцать;

а торги имеют разныя мелочныя, и чтоб каждой до пяти сот рублей производил того не видно, и торгующих всякими съестными мелкими товары — сорок один;

содержат харчевни, в которых на продажу пекут калачи и варят квас — три».

Еще несколько человек изготавливали с той же целью изделия ре-

месленного производства: один делал в доме уклад, двое — содержали оружейные фабрики, выпускавшие офицерские и другие ружья. Таким образом, так или иначе с торговлей были связаны 67 человек — 2/3 от общего числа. Прочие торгов не имели; о четверых добавлено: «а живут праздно»¹⁷.

Сохранение торговой составляющей в структуре отдельных промышленных хозяйств влияло на их устойчивость, на направление и темпы развития. Но для тульского металлопроизводства в целом на данном этапе его эволюции наиболее важными оказывались торговые капиталы, образованные в недрах другой сословной группы, а именно вложенные в промышленное предпринимательство тульскими купцами.

Примечания

¹ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 83.

² Юркин И. Н. Неизвестное раннее сочинение по истории оружейного дела в Туле («Экстракт о начале в Туле оружейных мастеров и оружейного завода...». 1778 г.) // Памятники культуры: Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 74.

³ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 17. Л. 10—11об.

⁴ Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 204.

⁵ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—5об.

⁶ Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 171.

⁷ Там же.

⁸ Там же. № 4—6.

⁹ Там же. С. 74, 80, 82—84.

¹⁰ Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 42.

¹¹ Тула: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. С. 171.

¹² Там же. С. 174.

¹³ Юркин И. Н. Неизвестное раннее сочинение... С. 74.

¹⁴ ГАТулО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 83об.

¹⁵ Там же. Л. 83.

¹⁶ Там же. Л. 87об.—88.

¹⁷ Там же. Л. 87об.

ЗАПИСЬ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ В КУПЕЧЕСТВО И ЦЕХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Один из путей, смягчающий вотчинный контроль за предпринимательской деятельностью крепостных крестьян, состоял в записи их в городское купечество или цех. Правительство подобные действия крестьян не запрещало, а, наоборот, поощряло еще указами Петра I от 27 апреля и 16 июня 1723 г. Однако порядок записи предполагал разрешение помещика, оплату владельческих повинностей, выполнение городских сборов и нарядов. Последующие законодательные акты в этой области лишь уточняли и конкретизировали первые положения (вводился имущественный ценз, указывалось на обязательное наличие увольнительных и отпускных писем от помещиков и т. п.)¹.

К сожалению, выяснить масштабы записи в городское сословие помещичьих крестьян России в середине XVIII в. довольно сложно из-за отсутствия сводных источников. В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные архивные материалы по отдельным городам, извлеченные из ревизских сказок и дел по записи крестьян в купечество и цех. Основной комплекс дел связан с Москвой, куда стекались многочисленные потоки сельского населения. Документы содержат довольно противоречивые сведения о записи крестьян в московское купечество между II (1744 г.) и III (1762 г.) ревизиями. По данным «сводной ведомости» 1763 г., городского населения таких записавшихся было 35 человек, а по более полной ведомости — 45. По расчетам В. Н. Яковцевского в III ревизию из помещичьих крестьян было приписано в купечество 84 человека, а по «описанию городов Московской губернии» (1775 г.) — 45².

Ценную информацию по данному вопросу содержат материалы Московского городского магистрата. В нем, начиная с 1758 г., фиксировались почти все дела, связанные с записью в московское купечество и цех. Дела содержали челобитные помещичьих крестьян о записи их в городское сословие, увольнительное или отпускное письмо от владельца, поручительство гильдейских купцов (для записавшихся в купечество), аттестат о профессиональном мастерстве (для записавшихся в цех) и т. п.

В результате статистической обработки указанных дел уста-